

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)
Б95

Издание осуществлено в партнерстве с Лекторием «Прямая речь»

Редактор-составитель *Галина Беляева*

Художественное оформление *Владимира Мачинского*

В основу книги легли стенограммы лекций Дмитрия Быкова, созданных специально для Лектория «Прямая речь». «Редакция Елены Шубиной» выражает благодарность Лекторию за предоставленные материалы

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Иностранная литература: тайны и демоны / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 458, [6] с. — (Прямая речь).

ISBN 978-5-17-121796-9

В Лектории «Прямая речь» каждый день выступают выдающиеся ученые, писатели, актеры и популяризаторы науки. Их оценки и мнения часто не совпадают с устоявшейся точкой зрения — идеи, мысли и открытия рождаются прямо на глазах слушателей.

Вот уже десять лет визитная карточка «Прямой речи» — лекции Дмитрия Быкова по литературе. Быков приучает обращаться к знакомым текстам за советом и утешением, искать и находить в них ответы на вызовы нового дня. Его лекции — всегда события. Теперь они есть и в формате книги.

«Иностранная литература: тайны и демоны» — третья книга лекций Дмитрия Быкова. Уильям Шекспир, Чарльз Диккенс, Оскар Уайльд, Редьярд Киплинг, Артур Конан Дойл, Ги де Мопассан, Эрих Мария Ремарк, Агата Кристи, Джоан Роулинг, Стивен Кинг...

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-121796-9

© Лекторий «Прямая речь»
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

.....

Аврелий Августин Блаженный

Августин — Божий человек 9

Уильям Шекспир

А был ли Билл? 34

«Трагическая история о Гамлете,
принце датском» 62

Чарльз Диккенс

Рождество английской прозы 73

Тайна Эдвина Друда 110

Оскар Уайльд

Уайльд и его душа 131

Редьярд Киплинг

Гибель богов 151

Джордж Бернард Шоу

Простейшая правда Бернарда Шоу 169

Артур Конан Дойл

- Необычайные приключения Холмса и Ватсона
в России 181

Агата Кристи

- Агата Кристи ищет Бога 203

Джоан Роулинг

- «Гарри Поттер»: Евангелие от Роулинг 225

Ги де Мопассан

- Завещание Мопассана 257

Ярослав Гашек

- Швейк: последний герой Австро-Венгрии 274

Эрих Мария Ремарк

- Возвращение Ремарка 294

Марк Твен

- Приключения Тома Сойера
и Гекльберри Финна 334

Стивен Кинг

- Король не сдаётся 350

Джанни Родари

- Чиполлино и русское освободительное
движение 376

Астрид Линдгрен

Карлсон и Демон..... 397

Туве Янссон

Муми-тролли в ожидании катастрофы 416

Указатель имен 444

Краткий указатель произведений,
упомянутых в книге 451

Аврелий Августин Блаженный

.....

Августин — Божий человек

Блаженный Августин, крупнейший христианский мыслитель первого тысячелетия христианства, один из отцов христианской церкви, — человек чрезвычайно высокой философской культуры. Но я не собираюсь говорить о теологической составляющей трудов Августина, они интересуют меня исключительно с литературной стороны. Я собираюсь говорить о его «Исповеди» (ок. 397–398), и только об «Исповеди» как о начале классической европейской литературы, как о начале европейской прозы вообще. Мне представляется, что «Исповедь» Блаженного Августина, являющаяся не единым текстом, а собранием тринадцати книг, каждая из которых посвящена отдельному аспекту его духовной автобиографии, — это, рискну сказать, такой своеобразный прустовский мегатекст для IV–V–VI веков, когда только зарождается христианская теология.

«Исповедь» Блаженного Августина поражает прежде всего смелостью интеллектуальной. Рискну опять-таки сказать, что он произвел в богословии примерно

тот же сюжетный поворот, который на фабульном уровне произошел в детективной прозе только в XX веке, когда в романе Уильяма Юртсберга «Падший ангел» (1978) и поставленном по этому роману фильме Алана Паркера «Сердце Ангела» (1987) главный сыщик начинает искать себя, а не другого преступника.

Блаженный Августин прожил достаточно долгий век — семьдесят пять лет (354–430). И хотя формальным поводом к написанию «Исповеди» была просьба его учеников, желавших получить некий синтез его духовного опыта, он и сам к сорока годам, к этой середине земной жизни, *di nostra vita* (у Данте это тридцать пять лет, а у Августина — сорок), ощутил необходимость некоторой ревизии, некоторой рефлексии по поводу своего духовного опыта. И в этом смысле «Исповедь» его для нас бесценна. Потому что это единственный доступный, единственный внятно написанный текст, который современному человеку, отлично осведомленному насчет всех доказательств атеизма, позволяет понять, зачем ему все-таки нужен Бог.

Десятая книга, лучшая книга «Исповеди», рассказывает об этом необычайно подробно. Блаженный Августин выводит бытие Божие не из внешних признаков, не из творения и никоим образом не из очевидных свидетельств Божьего могущества. Все проявления судьбы, в которых мы обычно находим те или иные доказательства Божьего бытия, он рассматривает исключительно как случай. Августин доказывает, что Бога можно найти только в себе, — или его нет нигде. Вот это знаменитое начало десятой книги:

А что же такое этот Бог? Я спросил землю, и она сказала: «Это не я»; и все, живущее на ней, исповедало то же.

Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «Мы не бог твой; ищи над нами». Я спросил у веющих ветров, и все воздушное пространство с обитателями своими заговорило: «Ошибается Анаксимен: я не бог». Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды. «Мы не бог, которого ты ищешь», — говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: «Скажите мне о Боге моем — вы ведь не бог, — скажите мне что-нибудь о Нем». И они вскричали громким голосом: «Творец наш, вот Кто Он». Мое созерцание было моим вопросом; их ответом — их красота*.

И в неуклонной череде этих вопрошаний Августин доходит до памяти и только в памяти Бога и находит.

Но о памяти поговорим позже: скажем вначале о прустовском замысле Августина и о том, почему он за эту книгу взялся, почему в этой книге для нас заключена столь благая, столь радостная весть.

Книга эта написана человеком, который прошел через горнило тягчайших разочарований, и в первую очередь — разочарований в науке, в мудрости научной, поскольку наука не отвечает на вопросы о цели, о смысле жизни и о счастье. Наука не дает человеку счастья, хотя, безусловно, дает ему — и Августин многократно это подчеркивает — повод для высокомерия. Молодой Августин — а он очень хорошо это в себе отслеживает — постоянно стремится именно к удовлетворению собственного тщеславия. Сначала, лет примерно до тринадцати, он лучше всех играет в мяч. При этом уже умудренный Августин замечает, что ни в коем случае не

* Здесь и далее цит. по: <http://www.vehi.net/avgustin/ispoved>.

следует порицать детей за увлечение играми. Все, что будет потом, во взрослой жизни, — это те же самые игры:

Все это одинаково: в начале жизни — воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробьи; когда же человек стал взрослым — префекты, цари, золото, поместья, рабы — в сущности, все это одно и то же, только линейку сменяют более тяжелые наказания.

Взрослая жизнь есть уничтожение трех главных страстей, которые, по Августину, пытаются стать заменой счастью, но никогда счастьем не являются. Эти три главные страсти — похоть, тщеславие и любопытство. Интересно, что любопытство, то есть сфера науки, тоже причисляется Августином к похотям — похотям духа, о которых он говорит с крайним пренебрежением. Долгое время он полагал, что наука даст ему ключ к познанию мира, как умение играть в мяч — ключ к превосходству над сверстниками, но эта убежденность, как он пишет, все более и более покрывала его духовной паршой. Тем не менее — и это удивительная черта именно Августина — к похоти он проявляет наибольшее снисхождение. Похоть есть всего лишь земной, грубый аналог божественной любви, один из тех немногих суррогатов ее, что дан нам в повседневной практике, совершенно справедливо замечает он.

Августин все время обращается к Богу, и в этом заключается еще одно жанровое своеобразие книги; он все время ведет с Господом необычайно трогательные и для современного читателя умильные разговоры. Он охотно признает все свои грехи, но, как человек умный и не вполне оправившийся от своего тщеславия, начина-

ет смущенно оправдываться. И вот это особенно нам в нем приятно, потому что он не впадает в похоть самоистязания, не впадает в саморугание. Да, Господи, говорит он, вспоминая в четвертой книге свои молодые годы:

...я жил с одной женщиной, но не в союзе, который зовется законным: я выследил ее в моих безрассудных любовных скитаниях. Все-таки она была одна, и я сохранял верность даже этому ложу. Тут я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью.

И здесь вновь возникает та же удивительная трогательная интонация, с которой Августин говорит в первой книге, например, об игре в мяч:

У меня, Господи, не было недостатка ни в памяти, ни в способностях, которыми Ты пожелал в достаточной мере наделить меня, но я любил играть, и за это меня наказывали... <...> Я был непослушен не потому, что избрал лучшую часть, а из любви к игре; я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. <...> В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жадной превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал. И это детская невинность?

Эта особая трогательность Августиновой интонации предопределена, конечно, жанром исповеди. Многие ошибочно полагают — во всяком случае, во многих

текстах об Августине эта мысль проскальзывает, — что «Исповедь» есть обращение к Богу. Это не так. Тут очень тонкий момент, момент жанровый, который и сумел сделать из «Исповеди» принципиально новый жанр, с чего и началась европейская литература.

Вот Августин говорит: «Тебе, Господи, известно, каков я есть, и ведомо, зачем исповедаюсь Тебе». И действительно, рассказывать Господу нет нужды, потому что Господь обо всем прекрасно осведомлен. «Исповедь» — она перед Господом, а не к Господу. Августин все время повторяет: «Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но перед Тобой рассказываю семье моей, семье людской, как бы ничтожно ни было число тех, кому попадет в руки эта книга». Зачем? Чтобы наставить и предостеречь их, чтобы им объяснить себя, чтобы остаться перед ними. «Я покажу себя таким людям: пусть радуются о добром во мне, сокрушаются о злом». И вот в этом обосновании жанра присутствует главная особенность европейской литературы. В хорошей литературе, в настоящей, исповедь — это вовсе не обращение к Богу. Богу литература не нужна. Да и что Ему от нас вообще нужно, на этот вопрос Августин ответа не дает. Он несколько раз повторяет: «Господи, Ты создал нас для Себя», — но более конкретного ответа мы у Августина не получаем, потому что ответ находится за пределами человеческого разума. Однако сами перед собой мы должны говорить, как если бы говорили перед Господом. Помните знаменитую фразу Александра Блока, сказанную о поэзии Анны Ахматовой? «Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом».

Так вот, европейская литература — это и есть исповедь перед Господом. Потому что Господь — непременно

ный участник разговора. Такого участника в большинстве текстов античной литературы нет, а в европейской есть, и потому Августин требует от повествующего трех вещей.

Во-первых, абсолютной честности или, во всяком случае, абсолютной серьезности подхода к делу.

Во-вторых, постоянно помнить о смерти, о смертности. Для Блаженного Августина смерть — чрезвычайно важный предел, очерчивающий человеческое существование, и вне этого предела человеческие критерии не существуют. Об этом пределе надо помнить и все время соотносить себя с ним. Большая литература — это всегда память о конце, память о неизбежном.

И третья вещь, которая неизбежно присутствует в европейской литературе и которую Блаженный Августин требует от автора, — это личный опыт, это попытка отрефлексировать собственное бытие. Открыть — зачем я был нужен Богу, разобраться — зачем Господь меня сделал и через это провел. Это рефлексия, из которой вытекают все остальные выводы. У нас нет другого материала для исследования, другого материала для познания, нежели наша собственная личность. И Марсель Пруст, в XX веке переключивший фокус своего внимания только на память и личность, безусловно, следует в этом заветам Августина.

Мне могут возразить, что Августина читать еще скучнее, чем Пруста. Что я могу на это возразить? Понимаете, лучше прочесть несколько глав, чем презрительно отбросить целое. Из всей «Исповеди» Блаженного Августина следует читать вторую книгу, которая посвящена отрочеству и мукам созревания; наверное, с седьмой по девятую, где Августин рассказывает о своем пути к Богу,